

Рейнгольд Шульц

Десять лет спустя

Россия — страна парадоксов. Страна чудес, но в государстве перекос и стресс. Россия стала другая! Её захлестнул НЭП.

Торговая плесень в Москве всюду. Перед дворцами выросли палатки, киоски, рекламные щиты. Вьетнамцы вытеснили из-за прилавка армян. Самая распространённая профессия теперь — не рабочий, не шофёр, а продавец и охранник. Всюду видеокамеры, железные двери, замки и охранные. Пока молодой, иди в охрану, образование ни к чему, сила есть, ума не надо. Везде торговые, палаточные ряды. Дровяные, временные, трупобные конструкции, крытые целлофаном и гофрированным железом. Товар внутри развешан на цепях, везде ласковая азиатская торговля. Во всём мире отношения рыночные, здесь базарные. Продаётся всё! Базар везде! У метро, в метро, в подземных переходах, на улице. В открытую продают паспорта, трудовые книжки, дипломы, различные печати. Торгаши богатеют, государство нищает. Законы не работают, налоги не платятся.

На восточнославянском базаре можно торговаться, но покупателя всё равно надуют, а он уйдёт довольным.

На государство у народа давно надежды нет. Довольны государством лишь «новые» и молодые русские, а старики и пожилые стоят в подземных переходах с протянутой рукой, с потухшими глазами. Женщина сидит на ступеньках перехода с мёртвыми глазами, в позе немецкого солдата после Сталинградской битвы. Появилась новая примета, если человек в галстуке, то он должен поделиться содержанием кошелька с тем, кто без галстука, его всюду сопровождают прилипчивые попро-

шайки. Много денег раздал нищим, сердце плачет, но нищих оказалось больше, чем денег. Помощь пришлось ограничить. В Москве проблема с москвичами. Деграция знаний. На Красной площади несколько раз спросил для контроля — где ГУМ? Ответили — не знаем.

Продавцы в театральные кассы не знают, как пройти к театру. В театр можно войти только после обыска, как в аэропорту, но свободных мест мало, хотя билеты очень дорогие. В Третьяковке и в музеях народу много. В общественных туалетах нет туалетной бумаги, а в книжных магазинах не протолкнуться. Литературы много, интересная, на любой вкус, но дорого даже для жителя Европы. Молодёжь озабоченная, без особой радости, учится надурить ближнего и всплыть на чём угодно. Дети бледные, румянца на щеках нет. В школах учатся теперь в три смены, больше половины школьников нездоровы. По понедельникам перед занятиями в школах поют гимн.

По радио и телевидению, в основном, звучат песни на английском языке, потому что свои тексты слушать уже невозможно. Язык великий и могучий выражается, то есть вырождается, насаждается мат. Ценятся знания иностранных языков. В новостях по телику идут страшилки. Криминал на телевидении занимает основное время. В Якутии сгорела школа. Целый класс погиб. На другой день в Махачкале сгорела другая школа, дети сгорели живём. При этом ни один учитель не пострадал. В Поволжье весенний паводок, но люди отказываются от эвакуации, так как боятся, что их разграбят.

На манежной площади построили дорогой подземный супермаркет «Охотный ряд». Есть магазины, скопированные с „ALDI“, „Lidl“, „Norma“. Оформление, витрины, товары — похожи, но у каждого прилавка здоровенные каратели из охраны, в углях видеокамеры. Тележки для покупателей — маленькие, доверия к покупателям — ещё меньше. Чувствуешь себя в магазине, как в зоне, руки сами лезут за спину. Каждое движение под контролем. Продавольственный дефицит исчез, всё есть, но не для всех из-за высоких цен.

В советские времена всегда чего-то не хватало. То масла, то мяса. Появлялся дефицит. Мой отец тогда сказал, что, не увеличивая производства, можно завалить прилавки тем же маслом, если поднять на него цену. Но народ тогда ждал весны, когда цены непременно снижались.

Продавцов много, покупателей мало. В магазинах отечественное не продают, только импорт, цены инопланетные. Все удивляются немецкому качеству. Своё — или кривое, или косое, или сделано с будуна, в руки взять — никакого удовольствия. Такое впечатление, что Европа только производит, а Рос-

сия только потребляет.

В элитный ГУМ и ЦУМ даже не все «новые русские» ходят. Московские прейскуранты бьют наповал. Деньги не текут, их вытягивают из кармана со свистом. В столовой только одноразовая посуда. Скромно покушать стоит 100 рублей. Билет на концерт в центре зала не меньше тысячи. Стипендия студента 200 руб., у отличника 400. Пенсия 2000, у успевающего менеджера 2000 — долларов, или 66 000 рублей. Вот такие перекосы.

Над Красной площадью развеивается флаг КГБ. Если читать снизу вверх. Красный. Голубой. Белый.

Россией управляет жизнь, Кремлём — правительство, Москвой — деньги. На обменных пунктах доллар уступил первое место молодой евровалюте. За один евро дают 33 рубля. Телефонное справочное 09 платное. Один вопрос — один евро. Литр бензина стоит 10 рублей. На дорогах плакаты «Автоинспектор уважает чистые автомобили», но все машины на дорогах чумазые. Всюду лужи. Какой-то озорник написал на грязном капоте пальцем: «Помойте меня! Я вся чешуся!»

Рядом с новой мечетью, на Поклонной горе вырос великолепный музей Великой отечественной войны. Рядом выставка военной техники. «Профессиональная армия — сильная армия» — гласит плакат, но офицеры в новой форме с огромными как у грузин фуражками «аэродром» выглядят по-опереточному. Каковы офицеры, такова и армия, гласит поговорка. Патриотизма нет, в армию идти, чтоб попасть в Чечню, молодёжь не хочет, родители с ними солидарны. Песню «раньше сделай для родины, а потом для себя» никто не понимает. Мораль мельчает. Каждый живёт для себя. Ледовый стадион ЦСК закрыт. Там сейчас ледовый торговый центр. Тысячи, десятки, сотни тысяч продавцов ничего не производят. Сидят, как деревянный человек с длинным носом на поле чудес, и ждут, когда прорастут золотые семена, инвестированные в их дело. Нетрудовые доходы стали популярными.

Старики, которые боролись и страдали против долгой советской зимы, после смерти коммунизма горько разочарованы. Утечка умов продолжается. Бывшие диссиденты добровольно уезжают в ссылку за кордон. Перестройка доведена до ручки. Развал державы на лицо. Безработица в стране у здорового человека вопрос номер один, хотя в столице работы много для всей округи.

У Красной площади открыт ресторан с фантастическим названием «Дрова» для богатых («Буратин»). 24 часа в сутки за деревянные рубли можно беспрерывно жевать. Рядом выросла небольшая церквушка, и городские ворота заслонили путь на площадь парадным танкам. Рихард был единственный по-

сетитель мавзолея. Охрана рукой показывала ему направление в загробный мир. Ильич не постарел. Всё так же лежит в хрустальном гробу один. Сталин у кремлёвской стены, Хрущёв на Новодевичьем кладбище. Царство мертвых пополняется новосёлами. В эти дни убили ещё одного депутата. Смертность давно превышает рождаемость. Мужчины живут намного меньше женщин. В Москве в Соловьиных рощах раскинулись 27 кладбищ. На них собирается весь цвет нации.

Треть сёл в стране пустуют. Настало какое-то луковое время. Снова возродился прекрасный храм «Христа спасителя» — шедевр мирового значения. Газпром строит себе под офисы небоскрёбы. Строится жильё на продажу. В элитном районе в высотном доме стоимость одного квадратного метра начинается от 3888 долларов, квартира — за пол миллиона зелёных. Пять процентов населения жизнью довольны, остальные не очень.

Всё изменилось, перевернулось как песочные часы, потекло вспять, только женщины нет. Они стали ещё краше, ещё наряднее и каждый здоровый мужчина весной готов погнаться за любой хорошенькой бабочкой. Всю-

ду, на работе, на улице они как на конкурсе красоты, с Европой не сравнить.

Пивных ларьков много, пива сортов десять плюс импорт. Привычных пьянчужек не видно. Любитель пива, скромно и чисто одетый интеллигент, закусывает принесёнными с собой сухарями.

Билет в метро стоит 7 рублей, но цена зависит от числа купленных билетов. Метрополитен много станций переименовал. Ориентироваться трудно. Кировская стала — Чистые пруды. Площадь Ногина — Китай-город. Театральная была раньше проспектом Маркса.

В метро топотано, в вагонах пьют пиво из горла. Пустые бутылки катаются по полу. Стены, как доска объявлений, обклеены предложениями и рекламой. По вагонам ходят торгаши, продают авторучки, расчёски, лейкопластыри и прочие необходимые ненужные товары. Следом идут попрошайки, бабушки со слезами крестятся каждому живому человеку, заглядывая в глаза и призывая Бога на помощь. Молча, в инвалидных колясках, в пятнистой военной форме, проезжая с помятой баночкой очень молодые мальчики без рук, без ног. Заплакан-

ный малыш у эскалатора стоит с объявлением на картонке: «Помогите! Умерла мама!»

— Помогите люди добрые! — просит другой маленький мальчик и протягивает свою крошечную ручку. Некоторые бросают милостыню. Лица напряжённые, как в войну. Кто украл у детей детство? Уверенность в завтрашнем дне. Право на обеспеченную старость? У всех одно солнце, только греет по-разному.

Вот такие изменения бросились в глаза, то, что видно было невооружённым глазом.

Прохождение таможенного надзора и пересечение государственной границы России схоже с освобождением из зоны. Обнажается внутри врождённое чувство страха и несовершенной ещё вины. Который раз, возвращаясь домой в старушку Европу, с лёгким сердцем взрываю в небо в уютном самолётном кресле и молюсь. Благодарю Бога, что вовремя уехали из этой чужой теперь страны. Что живём среди цивилизованных проблем. Что есть, где спать, и есть, что есть. На мне нет больше собачьей цепи и ошейника.

Я свободен!